

Александров Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник отдела стран ближнего зарубежья РИСИ.

Военный коллаборационизм в национальных одеждах¹

На фоне усиливающихся попыток политических кругов США и некоторых стран "новой Европы" и СНГ добиться пересмотра итогов Второй мировой войны одной из важнейших в современной отечественной историографии в последнее время становится проблема коллаборационизма. Причины этого явления известны и многогранны. Среди них следует выделить прежде всего создание новых национальных мифологий некоторых государств, возникших после распада СССР либо избавившихся от его опеки. Определённую роль играет также стремление добиться морально-политической реабилитации тех запятнавших себя коллаборационизмом политических партий и организаций правого и центристского толка, идейными преемниками которых ощущают себя ныне влиятельные политические силы, действующие в странах Восточной Европы и некоторых государствах СНГ. Не удивительно, что для этого тщательно затушёвываются факты сотрудничества соответствующих организаций и частных лиц с немецкими оккупантами, а их антисоветская "борьба" представляется как действия во имя "национального освобождения".

Именно военный коллаборационизм является объектом исследования в рецензируемой книге. Она представляет собой сборник статей известных специалистов по указанной проблеме Сергея Дробязко, Олега Романько и Константина Семёнова. В поле их внимания находится история создания и применения подразделений, сформированных преимущественно из иностранцев, служивших нацистской Германии в период Второй мировой войны. Авторы проводят сравнительный анализ различных категорий военных коллаборационистов, рассматривают внутривнутриполитические аспекты, предопределившие зарождение коллаборационизма, предпринимают попытку оценить эффективность применения вермахтом частей, состоящих из иностранных граждан, и проследить их послевоенную судьбу. Книга дополнена интересными фотоматериалами, значительная часть которых, судя по содержанию, происходит из личных архивов коллаборационистов.

Следует отметить, что тексты, включённые в книгу, сильно различаются по стилю, наполнению и научной ценности. Так, статьи К. Семёнова (с. 86–391), рассказывающие о коллаборационистах – выходцах из Европы, Индии, Африки и Ближнего Востока, хотя и содержат интересные факты, но в целом носят скорее описательно-компилятивный характер.

¹ Рецензия на книгу: *Дробязко С., Романько О., Семёнов К.* Иностранные формирования Третьего рейха / Серия "Неизвестные войны". М. : АСТ, Астрель, 2009. 845 с.

Автор рассказывает о "боевом пути" соответствующих частей, в большинстве случаев не вдаваясь в подробности их деятельности. В то же время известные и получившие заслуженную популярность работы О. Романько, посвящённые восточным легионам (с. 392–440), крымско-татарским формированиям (с. 613–677) и украинским националистическим организациям в Крыму (с. 585–595), а также статьи С. Дробязко о "русских" подразделениях (с. 456–514), представляют собой полноценные исторические исследования, опирающиеся на архивные данные.

В частности, статья О. Романько, посвящённая немецкой пропаганде в Крыму (с. 33–65), может служить примером действительно содержательного и беспристрастного исследования органов пропаганды, анализа их структуры, этапов развития и всесторонней оценки их деятельности. Представляют несомненный интерес характеристики политики оккупационных властей по разделению национальностей, проживавших на полуострове, попытки своеобразной "украинизации" части населения (с. 53) и эксплуатации религиозных чувств в интересах нацистской Германии. Автор наполняет новым содержанием известные выводы о том, что основными целями немецкой пропаганды в 1942–1943 гг. были подрыв лояльности населения к советской власти и насаждение национальной розни для расчленения СССР, а после 1943 г. – привлечение на сторону рейха местного населения обещаниями и видимостью расширения прав и свобод.

Авторы стремились рассказать о максимально широком круге коллаборационистских формирований, и в немалой степени им это удалось. Однако не обошлось и без упущений. В частности, по неясной причине не уделено места печально известной "украинской" 14-й гренадерской дивизии СС "Галичина", сравнительно немного говорится и об истории прибалтийских формирований (с. 759–803), что удивительно, особенно учитывая современную политическую ситуацию в республиках Прибалтики.

Особый интерес представляет отношение авторов к самому явлению коллаборационизма. К. Семёнов во введении к книге (с. 3–4) призывает отказаться от деления воевавших сторон на "своих" и "врагов" и быть беспристрастными. Однако уже в историческом обзоре (с. 5–9) он делает попытку оправдать, "легализовать" военных коллаборационистов, вписать их в исторический контекст, объединяя фактически в одну категорию, например, иностранные части армии Наполеона, иностранных добровольцев в Гражданской войне в Америке, Греческой войне за независимость, русских добровольцев в Греческой войне и "добровольческие" формирования из числа военнопленных в период Первой мировой войны. На наш взгляд, подобные суждения некорректны не только из-за смешения совершенно различных категорий иностранцев на военной службе других государств, но и потому, что и Первая, и особенно Вторая мировая войны были вооружёнными конфликтами совершенно иного типа, в которых ставкой являлись не просто военное поражение или победа, получение определённых ресурсов, но само существование государств, наций и культур, вовлечённых в смертельную борьбу. Только учитывая новую, тотальную сущность мировой войны, можно оценивать службу с оружием в руках в армии врага.

В статье "Третий путь Европы" (с. 16–23) К. Семёнов стремится представить в качестве одной из основ политики Третьего рейха и его союзников стремление к организации "сообщества новой Европы" (с. 20). Он пытается связать идеи нацистов и их союзников с идеями и практикой нынешнего ЕС, противопоставить так называемый европейский "новый порядок" национал-социализму с его расистской основой. Но подобное противопоставление не лишено лукавства, ведь независимо от того, воевали ли иностранцы за "европейский проект" или за какие-либо другие идеи, они сознательно становились послушной частью германской военной машины, осуществлявшей агрессивные, экспансионистские цели и задачи, поставленные нацистским руководством.

Если большинство статей О. Романько и С. Дробязко вполне академичны, то К. Семёнов нередко позволяет себе срывать на высказывания о "горячечном бреде" "большинства отечественных историков", "о восполнении потерь" германских войск в первые дни войны (с. 65), неоднократно использует такой одиозный, употреблявшийся немецкой пропагандой уничижительный термин, как "подсоветские" люди (с. 557), подчёркнуто заменяет устоявшееся название "Великая Отечественная война" на "германо-советская". Многие его статьи по сути своей напоминают известные пропагандистские фильмы "Die Deutsche Wochenschau", где "добровольцы храбро сражаются" против партизан, но нет даже попытки критически осмыслить действия "доблестных" воинов на оккупированных территориях. Приведём лишь один характерный пример, мягко говоря, спорного тезиса об "удивительно добродушном отношении к жителям Советского Союза" испанских добровольцев из "Синей дивизии"² (с. 127). Видимо, автор считает проявлениями подобного "добродушия" участие испанских добровольцев в разграблении Великого Новгорода, похищение креста с Софийского собора, возвращённого лишь в 2007 г., участие в блокаде Ленинграда и многие другие "подвиги" испанцев на русской земле. Заметим, что никто не подвергает сомнению высокие боевые качества испанских подразделений, однако историческая картина в научном исследовании просто обязана быть объёмной.

В свою очередь, О. Романько в статьях, посвящённых истории РОА, стремится провести мысль о некоей идейной самостоятельности печально известного генерала Власова и его последователей, "третьей силе", конфликте интересов с немецкими властями и даже отсутствии антисемитизма во власовском "движении". Таким образом, автор вместе с другими историками, положительно относящимися к РОА, затушёвывающая наиболее острые моменты в истории движения, стремится шаг за шагом отмежевать "власовщину" от нацизма, его преступлений, а соответственно, и от ответственности за них. Романько весьма активно использует в качестве устоявшихся такие весьма сомнительные определения, как "Русское освободительное движение", "Освободительное движение народов России", "антисталинский протест народов России", хотя политически они очень чётко окрашены в коллаборационистские цвета. Также следует отметить абсолютизацию различий взглядов на оккупационную политику офицеров вермахта и последователей А. Розенберга.

² В отечественной историографии чаще всего используется несколько иное и более корректное название подразделения – "Голубая дивизия" ("Divisiyn Azul").

Подобная однобокость проглядывает и в статьях, посвящённых участию в войне на стороне Германии представителей белоэмигрантских кругов, где, на наш взгляд, слишком мало внимания уделено достаточно широкой палитре политических взглядов бывших белогвардейцев во время войны.

Пожалуй, в наибольшей степени раскрывают позицию двух авторов (Семёнова и Романько) заключительные статьи, посвящённые истории репатриации и преследования лиц, участвовавших в коллаборационистских формированиях (с. 812–837). От призыва не вставать на сторону той или другой силы не остаётся и следа, эмоции и оценочные суждения перехлёстывают через край, используются известные идеологические штампы времён "холодной войны" о "жертвах Ялты", авторы совершенно явно считают репатриацию коллаборационистов противоправным и аморальным актом (с. 827). Говорится о "коварстве и жестокости западных демократий" и озвучивается известный штамп об излишней суровости приговоров советским и прочим категориям коллаборационистов.

Что же касается столь щекотливого для исследователей, симпатизирующих коллаборационистам, вопроса об измене Родине (по крайней мере всех, кто до этого служили в РККА), то в данном случае со ссылкой на немецкого историка Хоффмана (с. 828) используется старый демагогический "аргумент" о превращении измены Родине в некий "политико-исторический процесс" при условии участия в нём больших групп людей. В этом случае следует заметить, что преступление, каким бы числом людей оно не было совершено, всегда остаётся преступлением. И если ещё можно спорить, в какой степени обвинение в "измене Родине" относится к белоэмигрантам, служившим Третьему рейху, то в том, что касается бывших советских военнослужащих, присягавших на верность именно Советскому Союзу, ответ очевиден.

По прочтении книги задаёшься вопросом: возможно ли и правильно ли в наше время исследовать историю военного коллаборационизма, не солидаризируясь с одной из сторон? Авторы рассматриваемой работы, может быть, и хотели дать положительный ответ на этот вопрос, однако у них это явно не получилось. Такой результат довольно закономерен, учитывая, что речь идёт не об отвлечённых штудиях, а о теме, имеющей колоссальное воздействие на современность. Достаточно вспомнить о том, что у ближайших соседей России, на Украине, в бывших прибалтийских советских республиках идеология националистов, пособников нацистской Германии становится государственной и воплощается не в абстрактные, а в конкретные действия, направленные против тех, кто считает себя причастными к победе в той войне, к России в целом.

В работах Семёнова и Романько, представленных в книге, явно сквозит стремление изобразить нацизм и советский строй как явления одного порядка. Вольно или невольно, такая позиция способствует ревизии итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Великая Отечественная война и Победа в ней, при всей сложности этого невероятного по масштабам явления, были одними из основных скреп, стержней, соединявших народы Советского Союза. Совершенно убеждён: пока в жизни общества активно участвовало поколение

ветеранов той войны, вряд ли возможно было в полной мере разворачивание деструктивных, центробежных процессов, проявившихся в 80-е гг. Несомненно, Великая Отечественная война, хотя и в меньшей степени, по-прежнему имеет цементирующее значение и для современной, основательно уменьшившейся в размерах, но сохранившей своё территориальное и культурное ядро России. На наш взгляд, совершенно очевидно, что актуализация коллаборационистской тематики, новый виртуальный "призыв" российских добровольцев под знамёна Третьего рейха направлен, в конечном счёте, на дальнейшее дробление российского социума. Вопрос же о том, кому это выгодно, остаётся открытым...